

Ли Чжао шёл, размышляя про себя: в прошлой жизни он точно не слышал ни о каких небесных расщелинах подобного рода!

Фу-вань шагал рядом и, положив руку на плечо старшего брата, наклонился к самому уху и с возбуждением прошептал:

— Десятый брат, скажи, что всё это значит? Неужели...?

Остальное он не договорил — Ли Чжао тут же прикрыл ему рот ладонью. Этот сорванец сейчас в самом разгаре подросткового бунта; если ляпнет что-нибудь неуместное, будет только хуже.

— Тс-с! Пока никто ничего не знает наверняка. Заткнись пока хорошенько.

Ли Чжао приложил указательный палец к губам и, улыбаясь, посмотрел на младшего брата своими миндалевидными глазами — точной копией императорских. Фу-вань в этот момент совершенно понял, почему придворные красавицы единогласно ставят десятого принца на первое место в списке самых обаятельных мужчин двора: его красота покоряла без разбора пола.

— Ммм... — кивнул Фу-вань, давая понять, что всё понял, и отодвинул руку брата, недовольно поджав губы. — Ваше высочество, больше так не улыбайтесь — а то ещё кого-нибудь собьёте с пути истинного.

Ли Чжао шлёпнул его по затылку:

— Ну ты и нахал! Решил теперь насмеяться над старшим братом?

— Десятый брат! — возмутился Фу-вань. — Больше не смей хлопать меня по голове! Говорят, от этого не растёшь в высоту, а я ведь собираюсь стать великим полководцем!

Ли Чжао сделал вид, будто снова собирается ударить его по голове — добрый старший брат, чего уж там, — но тот ловко увернулся.

— Не волнуйся, братишка, — успокоил он. — По моим наблюдениям, рост детей зависит от роста родителей, а не от того, хлопают ли их по голове или нет. Ты ещё обязательно подрастёшь.

И это была чистая правда: их отец был не ниже ста девяноста сантиметров, все братья в среднем превышали сто восемьдесят, а мать Фу-ваня — одна из самых высоких среди наложниц — достигала ста семидесяти. Самому Фу-ваню исполнилось всего пятнадцать, он уже вымахал до ста семидесяти, и зоны роста ещё не закрылись — впереди у него был запас.

Фу-вань с сомнением нахмурился:

— Вы не обманываете меня, брат?

Ли Чжао посмотрел на него с искренним выражением лица:

— Как я могу тебя обмануть? Посмотри на рост всех наших братьев и сестёр и сравни с ростом отца и их матерей — всё станет ясно.

Он помахал Фу-ваню рукой, словно говоря: «Ну же, подумай сам, малыш».

В этот момент из дворцового зала вышли император и всё собрание сановников и собрались на площади из белого мрамора. В небесах над ними образовалось странное явление: прямо в голубом небе возникло небольшое серое пятно, напоминающее второе небо. Издалека граница между ними выглядела как чёткая трещина, давящая и жуткая.

Сановники были потрясены. Лица их побледнели, повсюду слышались испуганные перешёптывания; некоторые даже пошатывались и могли устоять на ногах лишь опершись на плечи соседей.

Ли Чжао прищурился и поднял взгляд вверх. В душе он удивился: это вовсе не похоже на настоящую «небесную трещину». Скорее напоминает дешёвые спецэффекты из тех фэнтезийных драм, что он смотрел в прошлой жизни.

«Неужели я попал не в параллельный исторический мир, а в какой-то даосский роман про бессмертных? Перепутал канал: вместо интриг и борьбы за власть — сразу магия и культивация!»

Но когда «зеркало воды» стало расширяться и стабилизировалось, Ли Чжао отбросил эту мысль. Ведь прямо на его поверхности он увидел логотип одного очень популярного в прошлой жизни коротковидео-приложения!

Гамбургеры, жареная курица, кола, Wi-Fi, кондиционеры... Воспоминания о современном мире хлынули в его сознание, как приливная волна. Дело было раскрыто! Это вовсе не знамение свыше — просто его «золотые пальцы», потерявшиеся восемнадцать лет назад, наконец-то дошли до адресата!

Однако, глядя на испуганные лица сановников и суровый профиль отца-императора, Ли Чжао почувствовал, как по коже побежали мурашки: «Разве обязательно было делать такой эффектный вход? А вдруг Мин Чжэнь сейчас тоже смотрит — не напугается ли?»

Он мысленно начал звать:

— Эй! Система, ты здесь? Главный бог? Брат-оператор? Сестрёнка из службы поддержки? Можно как-нибудь связаться наедине?

Император, нахмурившись, окинул взглядом собравшихся и грозно произнёс:

— Достопочтенные министры! Кто из вас может объяснить это небесное знамение?

В этот самый момент Фу-вань внезапно хлопнул себя по лбу и выкрикнул:

— Ага! Теперь я понял!

Его возглас прозвучал особенно громко среди всеобщего страха. Император немедленно повернул голову в его сторону и увидел одиннадцатого сына с выражением внезапного озарения на лице.

Все взоры тут же обратились на Фу-ваня. Ли Чжао тоже удивился: насколько ему было известно, его младший брат интересовался только боевыми искусствами и военными трактатами — никаких занятий астрологией или гаданием по звёздам за ним не замечалось.

Фу-вань вдруг спохватился: он ведь только что задумался о своём росте и совершенно не обращал внимания на небесное знамение! Он ничего не видел и ничего не знал! Не скажешь же отцу, что думал, насколько ещё сможет подрасти!

Щёки его мгновенно побледнели после недавнего румянца, лицо исказила тревога и стыд. Он быстро шагнул вперёд и без колебаний упал на колени перед троном:

— Простите, Отец-Император! Сын... сын ничего не знает!

Этот неожиданный поворот ошеломил всех. Ведь только что он выглядел так, будто всё понял! Император нахмурился:

— Ага? Так что же именно ты «понял»?

Фу-вань не смел поднять головы, голос дрожал от раскаяния:

— Отвечая Вашему Величеству: сын глуп и недалёк. Только что, поражённый этим небесным явлением, в страхе и смятении вспомнил Ваш недавний выговор — быть всегда сдержанным в трудных обстоятельствах. Я стал пристально вглядываться в трещину на небе и вдруг... впал в забытьё: мне показалось, будто она слилась с тем неразрешённым эндшпилем в шахматной партии, над которым я бился всю ночь...

Он замолчал, будто стыдясь продолжать:

— И вот только что, разгадав ход в той партии, я так обрадовался, что забыл обо всём на свете и невольно вырвался с восклицанием... Но на самом деле я совершенно ничего не понимаю в тайнах небесных знамений. Прошу Ваше Величество строго наказать меня!

С этими словами он снова глубоко склонил голову к полу.

Император молчал, затем тяжело вздохнул:

— На императорском совете думать о шахматах?! Это разве порядок?! Видимо, мои наставления до сих пор не дошли до твоего сердца! Три дня будешь сидеть взаперти и перепишешь сто раз «Записки о благоразумии»!

Фу-вань облегчённо выдохнул:

— Да, сын обязательно всё перепишет как следует.

— А теперь, достопочтенные министры, — император скрестил руки за спиной и вновь обратился к собранию, — есть ли у кого-нибудь объяснение этому явлению?

Его низкий, властный голос нарушил гнетущую тишину.

Сановники переглянулись. На лицах читались растерянность и страх. Несколько старейших чиновников с седыми бородами пошевелили губами, но так и не осмелились заговорить и опустили головы.

Ли Чжао всё это наблюдал и прекрасно понимал: чиновники не безмолвствуют от незнания. Просто они застряли между «благоприятным» и «зловещим». Древние верили в связь между небом и человеком, но на деле большинство «знамений» — лишь последующие домыслы. Необычные атмосферные явления всегда имеют свои причины, а приписывание им значения «счастья» или «беды» — всего лишь совпадение.

Сейчас же никто не решался первым сказать своё слово: если назвать явление благоприятным, а потом случится бедствие — это обман государя; если назвать зловещим, а всё пойдёт хорошо — это нагнетание паники и подрыв основ государства. Ни один из министров не хотел брать на себя такой груз ответственности.

А сам император, сидящий на драконьем троне, тем более не мог сам задавать тон. Его слово — закон. Если ошибётся, пострадает не только императорский авторитет. Если недоброжелатели свяжут это небесное знамение с тем, как он сверг предыдущую династию, и начнут распускать слухи, это вызовет волнения в обществе. А для империи Дашэн, существующей всего два десятка лет и ещё не укрепившейся окончательно, подобная смута может стать серьёзной

угрозой.

Ли Чжао глубоко вдохнул, сделал шаг вперёд и почтительно поклонился:

— Отец-Император, у сына есть доклад.

Главная задача сейчас — не выяснять, благоприятно или зловеще само явление, а немедленно успокоить тревожные сердца при дворе. Он был уверен: эти ветераны, сражавшиеся вместе с отцом за трон, прекрасно всё понимают. Просто им нужна лестница, чтобы выйти из тупика.

Император резко перевёл взгляд на него. Прищурившись, он помолчал мгновение и сказал:

— Говори.

— Осмелюсь доложить, Отец-Император: значение небесного знамения зависит от того, как его воспринимают люди. Сейчас важнее всего не само явление, а сердца миллионов жителей столицы и всей Поднебесной. Немедленно объявите это знамение благоприятным и распорядитесь об этом повсюду! Превратите тревогу в радость, укрепите веру народа в трон и в Вас лично! Это — главнейшая задача для сохранения стабильности государства и спокойствия подданных!

— Верно! Его высочество Руй-вань абсолютно прав! — закивали сановники.

Левый канцлер тут же выступил вперёд, держа в руках нефритовую дощечку, и чётко произнёс:

— Ваше Величество! Старый слуга считает, что необходимо немедленно составить указ для умиротворения народа и приказать управе столицы расклеить его на всех улицах и площадях. Одновременно следует усилить патрули — чтобы недоброжелатели не воспользовались ситуацией для смуты и беспорядков.

Император выслушал, брови его по-прежнему были нахмурены, но уголки губ чуть заметно приподнялись — видимо, такой план ему понравился.

— Принято, — произнёс он твёрдо, хотя и тихо. — Действуйте согласно предложению канцлера. Кроме того, немедленно выясните масштаб этого явления: ограничилось ли оно столичным регионом или распространилось по всей империи.

— Передайте устный приказ Астрономическому ведомству: за три дня они обязаны представить доклад о том, что это за знамение и какие меры следует принять.

— Управа столицы должна немедленно взять под контроль распространение информации.

Запретить любые разговоры об этом среди простого люда. Кто осмелится распространять слухи и сеять панику... — он сделал паузу и холодно окинул взглядом собрание, — пусть немедленно отправится в тюрьму. Наказание — строгое, для устрашения прочих.

Все сановники склонились в поклоне:

— Ваше Величество мудр!

Затем император с удивлением посмотрел на сына, которого обычно считали бездельником, увлекающимся лишь петушиными боями и скачками. Его взгляд был полон недоумения и любопытства — будто он впервые увидел Ли Чжао.

— Откуда у тебя такие слова? Совсем не похоже на тебя, — медленно произнёс он.

Ли Чжао понял: сегодня он слишком сильно отклонился от своей привычной роли беззаботного повесы. Отец смотрел на него с подозрением, а старшие братья — с настороженностью.

— Что Вы говорите! — воскликнул он, широко раскрывая глаза и стараясь выглядеть как можно искреннее. — Всё благодаря Вашему воспитанию! Где тигр — там и тигрёнок!

Император фыркнул:

— Хватит болтать! Я тебя знаю лучше, чем кто-либо. Говори правду!

В его голосе слышалась лёгкая усталость, а во взгляде читалось: «Я-то знаю, на что ты способен».

Ли Чжао развёл руками:

— Ладно, Отец-Император, Вы всё видите насквозь. На самом деле это сказал Мин Чжэнь. Недавно я читал книгу, где был похожий эпизод, и не понял, как небесные явления связаны со счастьем или бедой. Пошёл обсудить с Мин Чжэнем.

Мы говорили обо всём подряд — от «белой радуги, пересекающей солнце» до звезды Пожэнь... Я ничего не понял, кроме одной фразы: «Значение знамения зависит от сердец людей». Вот и решил блеснуть ею. А Вы меня сразу раскусили.

Прости, брат, пришлось тебя подставить.

Ли Чжао сделал вид, что обижается:

— Эх... Вы совсем не даёте сыну сохранить лицо.

Правый канцлер, услышав, как его сын упомянут Руй-ванем, чуть не упал в обморок. Он и не знал, как его единственный наследник вообще познакомился с этим «маленьким тираном» — и уж тем более не ожидал такой близости! Не дай небо, чтобы сын попал под дурное влияние!

— Мин Чжэнь? — Император слегка пошевелил пальцами и с лёгкой иронией посмотрел на правого канцлера. — Это ведь ваш сын, Мин Айцин?

Увидев, как канцлер весь напрягся от страха, император громко рассмеялся и похлопал его по плечу:

— Отлично, отлично! Ваш сын ещё так юн, а уже рассуждает здраво, не слепо следуя древним догмам, умеет мыслить практически! Настоящий сын своего отца! За это — награда!

Канцлер задрожал всем телом и замахал руками:

— Ваше Величество слишком милостивы! Этого не заслуживает ни сын, ни я! Всё благодаря мудрости Его Высочества Руй-ваня, который так искусно направляет...

Он не успел договорить — его перебил звонкий голос Ли Чжао:

— Отец-Император, а меня?! Неужели Вы будете несправедливы? Хотя идея и принадлежит Мин Чжэню, я ведь тоже добавил своих соображений! Неужели наградите только его?

Император скрестил руки за спиной и посмотрел на своего самого изворотливого сына. Увидев его довольную физиономию, будто он только что совершил великий подвиг, в глазах императора мелькнула улыбка, но он нарочито нахмурился и протянул:

— Ага? Так ты теперь шантажируешь собственного отца?

Ли Чжао, удивлённый сегодняшней необычной мягкостью отца, тут же воспользовался моментом и, сложив руки в поклоне, весело сказал:

— Сын не смеет! Ваше Величество прекрасно знаете: я хочу заранее запросить для Мин Чжэня ту фиолетовую нефритовую чернильницу из Дуаньчжоу, что недавно привезли в дар. Ему будет очень приятно. А себе... — он сделал паузу, — слышал, из Южного моря привезли партию жемчужин ночного света — больших и ярких. Хотел бы одну для коллекции.

Это была чистая правда: он давно позарился на эти жемчужины — такие крупные, сияющие, просто чудо! Но поскольку это редкий дар, имеющий политическое значение, без веской причины просить их было нельзя.

Император, увидев эту нахальную ухмылку, наконец не выдержал и рассмеялся:

— Негодник! Ты ещё мой казначейский склад опустошишь! Ладно, разрешаю!

Ли Чжао поклонился с благодарной улыбкой:

— Благодарю, Отец-Император!

Краем глаза он взглянул на старших братьев — те уже снова улыбались и вели беседу, как ни в чём не бывало. Император был ещё в расцвете сил, и Ли Чжао верил: пока он сам не наделает глупостей, жизнь при отце будет вполне комфортной. Главное — не привлекать к себе излишнего внимания со стороны братьев.

Нынешний наследник престола — старший сын покойной императрицы, участник войн за трон, последователь учения о золотой середине, человек способный и справедливый ко всем братьям и сёстрам.

Если однажды он взойдёт на трон, Ли Чжао надеялся уехать со своей матерью в удел — жить вольной жизнью, с деньгами и без забот. Мечта прекрасная... Но история показывает: наследник при основателе династии — должность крайне опасная. А другие братья, желающие власти, хоть и выглядят вполне прилично, могут оказаться куда коварнее. Так что запасной план всё же необходим.

<http://bllate.org/book/17167/1606267>